

Курмышев Дмитрий Дмитриевич
1961 год
Село Краснохолм. Оренбургской области.

Мои мытарства по ступенькам образования при царизме.

Родился я в 1882 году в семье бедного крестьянина, обремененного большой семьей.

Как и большинство крестьян того времени, мой отец на лето уходил на заработки в разные города, как это называлось в «отходничество», оставляя свой земельный надел старику отцу, который по старости уже не мог уходить в «отходничество» на сторону, или жене, которые и обрабатывали клочок наделенной мало плодородной земли. Родит земля или не родит, а налоги за нее, да и не малые плати, а не заплатишь, продадут корову, самовар и даже постель.

Отец решил бросить дом, земельный надел и покинуть навсегда свое село.

Местом жительства избрал город Оренбург, где, работая каменщиком у подрядчиков и купцов, а в последствии переселился в станицу Городищенскую, Оренбургского уезда.

Я достиг школьного возраста, хотелось и мне и отцу, чтобы я учился в школе.

Но к нашему несчастью детей «мужиков» (крестьян) в казачью школу не принимали. Мне уже исполнилось 9 лет., а я, как говорят и аза не видел в глаза. Со слезами я смотрел, как казачьи дети шли утром в школу, а вечером веселой гурьбой из школы.

Не я один в селе сын «мужика» оставался вне школы, таких нас было много. Отцы таких детей решили нанять частного учителя.

Нашли одного казака, кончившего три класса начальной школы, за вознаграждение по рублю с ученика и наняли частную квартиру под класс у старухи бобылихи.

Так мы 10 мальчиков начали грызть «гранит» науки. Приобрели азбуку лубочного издания ценой в 3 коп., без переплета. Других учебников у нас не было, вместо тетрадей нам покупали аспидные доски, редко простой курительной бумаги, писали только карандашом, а на доске грифелем.

Азбуку учили не звуковым методом, как теперь, а слоговым ба, бе, бу, бы в сочетании согласной буквы с гласной и.т.п.. Отсюда, видимо, и сложилась поговорка «он не знает ни а, ни бе».

Покажет учитель буквы две-три, подчеркнет их в букваре карандашом, произнесет их несколько раз сам и предложит запомнить их изображение и произношение звука, а сам уйдет из класса, оставив нас одних, Тут уж каждый из нас становится учителем, помогая товарищам запомнить буквы и их произношение.

Уроки письма и арифметики были скучными, сухими.

По две-три буквы или цифры писали на двух – трех страницах в день, да еще и на дом задавали.

Прямой и обратный счет учили до 100. Арифметическим действиям нас не учили, да и сам учитель видимо, не был силен в арифметике.

Через месяц наш «храм» науки закрыли. Учитель запьянствовал, затем заболел, другого педагога не нашлось. Опять настала пора бессодержательных и скучных игр.

Счастье, наконец, улыбнулось мне. Отец как-то «уломал» учителя казачьей школы принять меня в школу. За это отец обязался ухаживать зимой за скотом и двором учителя.

В школе, так как я уже умел читать по слогам и писать слова с книги, посадили меня не в первый класс, а промежуточный между первым и вторым так называемый «болванский» в котором учились неуспевающие ученики 1-го класса прошлого года.

«Болванский», так «болванский», а учиться надо, внушал я себе. Так и проучился в «болванском» классе до конца первого полугодия.

Учитывая мое прилежание и успеваемость, с нового года меня перевели во второй класс. Тут у меня не было границ радости. Но ... не надолго.

Пришел как-то в школу поп заниматься по закону божьему, увидел меня и спрашивает, знаю ли я заданный им урок, по закону божьему, а я и в зуб толкнуть не могу, потому что я ничего не учил.

Посмотрел поп на меня испытующе, поговорил что-то с учителем и снисходительно сказал: Скажи отцу, чтобы он купил тебе учебник по закону божьему ветхий и новый завет и начинай дома ежедневно учить пройденный материал, указал, откуда и докуда нужно учить.

Придя, из школы домой, я тут же сел на нары и со слезами, чуть не по слогам стал учить заданный урок по закону божьему. Мать предлагает сесть пообедать, а я сквозь слезы отвечаю: «А когда же я буду учить закон божий?» Мать больше меня запоминала мой урок и стала подсказывать и молиться, чтобы бог одарил меня памятью.

В тот день я без обеда и ужина лег спать, а на утро мне отец растолковал, что учить нужно не все сразу, а помаленьку, по одной статейке про чудеса христовы.

Эти «чудеса в решете» я все же скоро преодолел и догнал своих товарищей по классу.

И так через два года я завершил свое образование первой стадии. Научился без запинки прилично читать, писать с книги и под диктовку простые предложения и считать до 1000 на все арифметические действия. Большему нас не учили.

Учитель с большим удовольствием слушал рассказы о прочитанном, ставил отличные оценки по письму и арифметике. Что же дальше делать? Учиться в городе, нет у отца средств.

Однажды отец, придя домой, с работы, весело заявил: «Знаешь, ты сынок все же родился в сорочке. Я буду строить каменное здание для двухклассного училища и договорился с заведующим школой принять тебя в эту школу, а пока и ты поедешь со мной на строительство, будешь песок, воду возить.

Бесконечно обрадовался я и работал на строительстве безупречно, чем обратил на себя внимание заведующего школой Токмакова Георгия Прокопьевича.

Школа осенью этого же года была сдана в эксплуатацию.

Светлое, просторное здание способствовало учебе. Учился я на отлично. Только однажды на уроке по закону божьему оскандалился. Учили историю святого Ионы. Где говорится, что во время стихийного ветра стал тонуть корабль. Было решено принести в жертву человека, бросив его в морскую пучину. И нашелся такой и тут же его проглотил кит, а через три дня выбросил его на берег, буря стихла, люди спаслись.

Осмыслив хорошенько эту историю, я попросил у попа слово и спросил: «Как же это, батюшка, кит проглотил человека, ведь в учебнике сказано, что кит имеет узкую глотку и поэтому он питается только мелкой рыбой». Дурак, садись на место и поставил мне двойку.

Я окончил двухклассное училище. Что же делать дальше? Опять преграды. Беднота, крестьянское происхождение.

По объему моего образования представлялась возможность поступить в учительскую школу и к тому же на казенный счет. Идея эта мне и отцу понравилась. В 1897 году я поехал в Оренбург держать экзамен на поступление в учительскую русско-киргизскую школу.

Испытания я выдержал на отлично и ликовал от радости, но радость была преждевременной. После объявления результатов экзамена меня позвали в учительскую комнату, где директор школы объявил, что я принят в школу, не буду. Медицинским осмотром установлено, что я страдаю предрасположением двухсторонней паховой грыжи, что лишает меня возможности вести в школе уроки гимнастики.

Вот уже поистине, печальный сюрприз! Физически я работал, не замечая этого недостатка. Если бы это случилось теперь, то оперировали бы меня, и через 10-12 дней оказался бы годен не только для поступления в школу, но и в армию.

Снова вопрос - что делать? Тихо закрадывалась мысль покончить жизнь самоубийством.

Может моя «родовая сорочка» поможет мне, думал я. В этот же день приехал в Оренбург мой учитель Георгий Прокопьевич. Он принял горячее участие в моем положении и пошел хлопотать к директору школы, где держал я экзамен. Однако результаты оказались плачевными – нельзя принять.

Он посоветовал мне поехать в город Благовещенск, Уфимской губернии в русско-башкирскую учительскую семинарию, где он сам учился. Результаты получились утешительными. Несмотря на то, что я опоздал к приемным экзаменам на сутки все же меня допустили до испытаний и я выдержал их успешно, был принят в семинарию стипендиатом (150 руб. в год).

Учеба шла хорошо, только на 4-й год снова меня постигло несчастье. В спальне интерната висела икона святых Кирилла и Мефодия основателей славянского языка. Они как история говорит, составили славянскую азбуку. В один из поздних вечеров, когда большинство студентов спали, мы втроем с товарищами сняли икону и отнесли ее в нижний этаж в уборную.

Утром нас вызвали к директору, который безапелляционно заявил: «Вы больше студентами вверенной мне семинарии не состоите, исключаетесь за кощунство». Что же опять делать?

В таких случаях с учащих или их родителей взыскивается сумма выданной стипендии за все годы учебы в семинарии.

Это приключение не только для меня, но и моих родителей принесло много огорчений и неприятностей, потому-что меня не примут учиться не в одно училище, а отцу не подсилу выплата за стипендию.

Из разговоров отца я знал, что в гор. Баку, есть его какой, то родственник-подрядчик. Узнав его точный адрес, я, чтобы скрыться от семейных неприятностей в 1900 году уехал в Баку, где разыскал дядю и был принят им на должность табельщика и кладовщика по складу материалов.

Оплачивал дядя мой труд хорошо, и работать было бы можно, но в это время в Баку участились забастовки, заводчики стали объявлять локауты, последствием которых прогрессировала безработица и нужда в рабочей среде, что приводило к выселению безработных из Баку бесплатно куда пожелаешь. Воспользовавшись этим случаем, решил я уехать из Баку в гор. Оренбург к родителям, тем более, что отец мой, как писал он мне взялся строить каменную церковь в селе Нижняя Павловка, Оренбургского уезда.

Прибыв, домой, я к великой моей радости узнал, что отец мой по бедности был освобожден от уплаты полученной мной стипендии в семинарии.

Тяга к учебе не покидала меня и в это время. Пользуясь хорошей репутацией инженера Сахарова, я по его протекции поступил в инженерную дистанцию в Оренбурге на курсы десятников строителей, которые окончил в 1902 году.

Получив специальность строителя, я стал работать десятником у подрядчиков и у купцов по строительству до 1904 года. В этом году умер мой отец, оставив без всяких средств к существованию семью – мать, дедушку, три несовершеннолетних сестры, да и сам я уже обзавелся своей семьей – жена и ребенок.

В то время строительство велось только летом. Сезонного заработка далеко не хватало прокормить семью. Вставала необходимость приобретать такую специальность, которая давала бы заработок и в зимний период.

На встречу решения этого вопроса мне пришли полученные мной знания в учительской семинарии. Я решил применить эти знания в начальной школе. Но как это сделать? Ведь я звания учителя не имел.

Как я стал учителем

Случилось мне вести строительство дома у наблюдающего народных училищ 1-го Военного отдела Оренбургской губернии офицера Федорова.

В беседе с ним я как-то поведал историю своей учебы в учительской семинарии (скрыв, конечно, причину исключения), Федоров сочувственно отнесся к моим «похождениям» и неудачам и предложил мне должность учителя в одну из казачьих однокомплектных начальных поселковых школ, упомянув при этом, что мое крестьянское происхождение не дает мне право работать в других более повышенного типа школах.

Оплата труда по этой должности была в сумме 12 рублей в месяц, или 144 рубля в год, плюс квартира.

Учитывая то, что эти 144 рубля за 6 месяцев (в то время в казачьих школах учебный год был продолжительностью 6 месяцев) все же дадут мне поддержку в содержании семьи, я дал согласие и, подал заявление о приеме меня на должность учителя.

Назначение я получил перед началом учебного года в поселковую школу села Благословенка Оренбургской станицы. Здание школы было ветхое, учебников для учащихся и методических руководств не было. На первых порах трудно было вести занятия с учащимися да и к тому же одному с тремя группами (тогда начальные школы имели только три класса и к тому же резко снижало мой авторитет как учителя мое крестьянское происхождение, но я не обращал на это внимания и усердно вел занятия в школе).

В конце учебного года посетила мою школу комиссия в составе атамана 1-го Оренбургского военного отдела полковника Наумова, каких-то офицеров и наблюдающего училищ Федорова. Знания учащихся были оценены удовлетворительными, а несколько учеников были награждены похвальными листами, свидетельствами об окончании курса начальной школы и книжечками, даже благочинный поп подарил несколько маленьких

евангелий в красивом красном переплете. Ликование учащихся, их родителей, да и меня, конечно, не было конца. Порадовало меня и то, что казаки на меня стали смотреть дружелюбнее, дали мне хорошую квартиру, Стали приглашать меня в гости.

Свыкаться я стал с казачьей средой, остался в этой школе и на следующие годы.

Омрачала меня военная муштровка учеников. В программу учебы входило обязательное знание полного титула царя, царицы, наследника, наказного, станичного и даже поселкового атаманов и в дополнение к этому посещение школы попом, который требовал, чтобы я давал ему возможность заниматься в любое время дня и часа. Приходилось в половине урока уступать ему место.

Летом ежегодно работал я на строительстве. Стал я задумываться и над тем, как бы сбежать с этой работы, а куда? Здесь опять—таки помогли мне приобретенные педагогические знания в семинарии и трехгодичная учительская практика в школе.

В министерских школах учителя начальных школ получали в то время 88 руб. 20 коп. в месяц, да за заведование 3 руб. в начальной, а в 2-х классной 5 рублей в месяц, решил я держать испытания экстерном при испытательной комиссии Оренбургского учебного округа, куда и подал заявление о допуске меня к испытаниям, стал готовиться к экзамену, работая в то же время на строительстве, Это было весной 1907 года, когда до Оренбурга докатилась волна политических и экономических забастовок.

Однажды, придя утром на работу, я увидел что-то необычное: рабочие сидят на лесах и стенах, о чем-то громко говорят, никто не работал. В чем дело, друзья? спросил я. «Бастуем товарищ Курмышев». Слово «товарищ» сразу меня поставило в тупик. Я в то время был политическим профаном и не мог представить как это бастовать, с чего начинать? Бросить работать это не все.

Посоветовались немного и решили пойти по городу с призывом к рабочим начать забастовку и пойти в рощу на митинг, там наметить программу дальнейших действий. Наша политическая слепота охлаждала многих, и мы мало верили в успех начатого дела. Но к демонстрантам все же примыкали новые и новые партии рабочих. Улицы заполнены толпами рабочих разных профессий, хоть и в лаптях, но одетых по-праздничному в красных рубашках.

Как и следовало ожидать, стали появляться полицейские. На хлебной площади движение остановилось, и послышались голоса:

Выбрать уполномоченных для составления петиции Губернатору с изложением требований рабочих. Избрано было 5 человек от самых больших артелей, среди избранных был и я, как более грамотный.

Вдруг волна рабочих приостановилась, затихла и впереди демонстрантов показалась карета, запряженная лихими конями, а в ней осанисто, в полной форме восседал полицмейстер города полковник Быбин и с ним два его холуя. Отовсюду полицейские кричали: «Тише!».

Остановилась лихая пара и полицмейстер, которому были уже известны фамилии избранных депутатов к Губернатору, громко стал вызывать нас к себе. Когда мы подошли к нему, он, стоя с кареты громко потребовал объяснения чего хотят рабочие. Мои товарищи предложили мне объявить ему наши требования.

Волнуясь, сбивчиво я сказал: «Рабочие требуют, чтобы рабочий день установить продолжительностью в 10 часов с перерывом на обед на 2 часа, сверхурочные и выходные дни оплачивались вдвойне, сезонным рабочим, отходникам по окончании срока, выплачивать стоимость проезда до места работы и обратно, при общежитиях подрядчики должны представлять рабочим бесплатно кипяток, малолеток на работу не принимать. Адьютант его записал все это в блокнот.

Выслушав меня, полицмейстер с гневом подошел ко мне и картавя громко рявкнул «Заморю в остроге, всем рабочим приказываю разойтись по местам и приступить к работе», а нас пятерку «депутатов» приказал отправить в тюрьму.

Через три дня двое полицейских повели нас к губернатору, когда подвели к канцелярии губернатора, там уже сидело десятка полтора толстопузых подрядчиков, которые увидев нас, злоехидно заулыбались, выкрикивая: «заработали улучшенных условий работы!» Удручающе подействовали на нас эти выкрики, но мы, воодушевленные настроением рабочих масс, не падали духом и надеялись на успех дела, сели не полностью, но хоть частично.

Ввели нас и подрядчиков в канцелярию губернатора и поставили, как на «том свете», - подрядчиков как праведников, по правую сторону, а нас - грешников по левую. Вошел генерал – губернатор Ожаровский с длинной седой веером бородой. Все приветствовали его низким поклоном.

Изложенные мной Полицмейстеру требования рабочих и записанные его адъютантом в блокнот, видимо, были уже знакомы

губернатору, который передал их присутствующим здесь подрядчикам, ошеломляюще подействовали на них наши требования. Один из них трясясь от злости, заявил, что эту всю кашу затеял десятник Курмышев, который начитался всякой «Крамолы» ведет смуту среди рабочих, не давая себе отчета к чему все это ведет. Мы знаем его отца, хороший человек, честный работник. Мы, Ваше превосходительство, не можем удовлетворить все требования, какие предъявляются к нам со стороны рабочих. Все работы нами взяты из расчета прежних условий, в частности и продолжительность рабочего дня. Если мы примем предъявляемые нам условия, то мы не сможем выполнить свои подрядные работы и все начатые постройки останутся не достроенными, а мы понесем большие убытки.

Обвел нас глазами губернатор и сказал: «Я разберусь немного с этим делом сам и прошу Вас всех прибыть ко мне завтра к 10 часам утра».

При выходе из канцелярии, нас задержали в приемной и предложили нам подписать распоряжение полицмейстера о не выезде без его разрешения из города Оренбурга, взяли наши адреса и после этого отпустили по домам. Идя, домой без надзора полиции, мы недоумевали всему происходящему.

На следующий день пришли к Губернатору несколько человек подрядчиков, а нас, представителей рабочих только двое из пяти – я тов. Крехов – плотник. Увидев не полный состав подрядчиков и нас, Губернатор сказал, обращаясь к подрядчикам: «В заявлении рабочих я усматриваю только экономические требования к вам, вы их должны разрешить по обоюдному согласию с рабочими, а вам, молодые люди, обращаясь к нам, Губернатор сказал: «поменьше слушайте бунтарей, побольше делайте свое дело» и предложил освободить его канцелярию.

Проходя по городу на свою квартиру, я заметил, что на стройках кое-где работают рабочие. Холодком повеяло это на меня. Значит, рабочие трусились, вышли на работу, а что же мне делать?

Пришел я на свою квартиру в обеденный перерыв. Рабочие сидели за столом и обедали. «Здравствуйте, трусишки, сдались без боя и нас продали». Мертвое молчание. Вошел в сарай и подрядчик Басов, у которого я работал. Сухо поздоровался и попросил меня зайти к нему на квартиру. «Заварил кашу, расхлебывай сам и никого не вини, я тебя увольняю, получи расчет ».

Несколько дней ходил я по городу в поисках работы. Нигде не принимают, а тут еще, вращаясь среди рабочих, я узнал, что за мной, вероятно, установлен негласный надзор полиции. Где бы я ни был после этого – всюду мне как трусливому зайцу, казалось, что где-то шпик лупит на меня большие глаза и подслушивает, с кем и с чем я беседую. Ходил я на поденную работу и как-то вспомнил о поданном мной заявлении в испытательную комиссию о допуске меня к испытаниям на звание учителя, решил узнать о результатах заявления. Там мне объявили, что к экзаменам я буду допущен, только нужно представить увольнительное свидетельство от крестьянского общества, к которому наша семья приписана.

Знал я, что отец мой происходил из крестьян Нижегородской губернии, Арзамаского уезда, села Хирино. Подал я туда заявление о высылке мне увольнительного свидетельства. Оказалось, что этого сделать нельзя, так как отец мой имеет за собой большие недоимки за время его многолетнего отсутствия в своем селе. Новое жизненное препятствие, преодолеть которое я не знал как.

Вспомнил я цитату из стихотворения «Школьник». «Свет не без добрых душ, кто-нибудь свезет в Москву» и к моему счастью добрая душа нашлась. Во дворе, где я жил, квартировал какой-то небольшой чиновник из казенной палаты, постоянно имевший красный нос и носивший ветхий со светлыми пуговицами мундир. Однажды вечером, сидя на крылечке, я поведал ему мое горе. Чиновник внимательно выслушал меня, уводя вопросами в подробности моей жизни и, заявил, что он поможет мне и за труд недорого возьмет, всего только три рубля.

Трешница, по тогдашнему курсу рубля, деньги как будто и небольшие, однако я немного призадумался, особенно когда еще раз посмотрел на его красный нос. Труссы в карты не играют, смелые города берут. Дал я согласие и поинтересовался – сразу ему деньги платить или частями и долго ли придется ждать результата. «Сейчас ты, молодой человек, дашь мне полтора рубля, а остальные когда получишь документы». Дал я 1 руб. 50 копеек и убедительно попросил его ускорить это дело. «Через два месяца получишь документ», сказал чиновник, улыбнулся и положил деньги в карман.

Так я напугался негласного полицейского надзора, будучи профаном в политических делах, решил уехать в деревню, где меньше бывает царских глаз. Местом своего пребывания я избрал

станцию Городищенскую в пятидесяти верстах от Оренбурга, где жил мой отец и где провел я свое детство. Там я работал на строительстве домов у богатых казаков, почти не видя урядников и полицейских.

Время шло, а чиновник мне ничего не сообщает о результатах ходатайства, об увольнительном свидетельстве от крестьянского общества.

Решил сам поехать к нему и узнать, нет ли какого извещения, тут ожидала меня удача. Вместо увольнительного свидетельства через казенную палату сообщили мне, что я приписан в мещане гор. Оренбурга, а это значило, что мне не нужно увольнительное свидетельство от крестьянского общества, где был я приписан, я стал мещанином, рабочим.

Я был настолько обрадован, что повел чиновника в трактир, угостить обедом и выпить бутылку водки. Такой удел был многих тысяч российских молодых людей жаждущих знаний.

В августе месяце 1907 года я получил извещение от Оренбургской комиссии, что испытание на звание учителя назначено на 15 августа. Обрадовался и стал усиленно готовиться к экзамену. Материалы программы я освоил как будто неплохо, но угнетало меня одно – нет у меня пособий для составления конспектов уроков. Трехлетняя моя учительская практика в казачьей школе по конспектированию уроков мало, что мне давала. Вспомнил я наблюдающего казачьими школами Федорова, который назначил меня учителем в казачью школу села Благословенка, к нему и обратился с просьбой указать мне адрес, где достать методические указания по составлению конспектов на уроки по любому предмету школы.

Неудобно было идти к Федорову, потому что я подал заявление об увольнении. На мое счастье наблюдающий оказался великодушным человеком и обещал помочь мне. Через минуту – две он подал брошюру и сказал: «Вот все, что вы хотели бы получить от меня, я когда-то пользовался этим пособием, пользуйтесь и вы». Пожав мне руку и пожелав мне успеха, он извинился и пошел на работу, как он сказал, по важному и срочному делу. При наличии такого пособия я стал штудировать материал.

Иногда приходил в такой азарт, что инсценировал уроки с учениками в пустой комнате, что приводило в смех мою жену.

15 августа я прибыл в Оренбургскую мужскую гимназию, где должны быть экзамены испытательной комиссии Оренбургского учебного округа. Нас, желающих держать испытание на звание учителя начальных школ министерства просвещения, было 7 человек.

Зачитали наши фамилии и предложили зайти в класс, где рассадили по одному человеку за парты, и вручили нам по два листа чистой бумаги со штампом и печатью, педагог объявил, что один лист дается на черновую работу, второй для чистовой и тут же продиктовал содержание арифметической задачи. Время дается полтора часа. Задача, помню, была сложная, в нее входили простые числа, дроби простые, десятичные, непрерывные, бесконечные и даже правила смещения и проценты.

Кончили запись содержания задачи, вздохнули глубоко, как на уроке гимнастики, заскрипели по бумаге перья, в классе водворилась полная тишина. Педагог ходит молча по классу и изредка посматривает на каждого из нас. Чувствовалось, какое-то неудобство, опасение повернуться в сторону. Уткнулись носами в бумагу и решаем. Сколько минут я решал задачу не помню, но был убежден, что решил я ее верно. Проверив еще раз действия с непрерывной дробью, стал переписывать набело. Еще раз тщательно проверил все действия и хотел подавать работу преподавателю, но когда увидел, что никто не подает ему решения, я усомнился, неужели я первый решил и, набравшись духу, подал свои листы преподавателю, который разрешил мне выйти из класса.

Долго ходил я по коридору в одиночестве, проверяя в уме знания предметов, которые предстояло сдавать на экзамене. Стали выходить из класса мои товарищи, осматриваясь по сторонам, как бы ища кого-то, чтобы спросить правильно ли он решил задачи. Двое товарищей не решили задачу и тут же ушли домой.

Скоро попросили нас в учительскую комнату, где стоял длинный стол, накрытый синим сукном, а за ним сидели экзаменаторы - человек пять, все парадно одетые в чистых со светлыми белыми и желтыми металлическими пуговицами, с эполетами, а у двух через плечо красовались широкие малинового, голубого цвета ленты. На стенах портреты царей, географические карты и большая классная доска, у которой на гвозде висит указка, похожая на бильярдный кий.

Один из экзаменаторов, видимо, председатель комиссии, объявил нам, что сейчас будут испытания по русской истории, географии, русскому языку, литературе, закону божьему, математике и геометрии устно и письменно и предложил садиться на установленные подряд стулья.

Каждый из экзаменаторов задавал экзаменуемым вопросы по программным предметам, а мы отвечали на заданные вопросы.

Я чувствовал, что ответы у меня положительные по всем предметам, кроме закона божьего. Я слабо ответил по катехизису, это учебник объемом с книгу «История партии», но в катехизисе так много всяких цитат пророков, святых апостолов и самого Христа, что трудно их всех передать в точном содержании.

Часа через три испытания закончились и объявили перерыв на один час. Вышли мы в коридор и похаживаем молча после пережитых волнений на экзаменах. Вышел в коридор и поп, остановил меня и попросил спичку, он видел, что я курил. Я любезно одолжил ему спички. Прикурил он и, отдавая мне спички, сказал, улыбаясь: «Слышал Ваши ответы на экзамене, бойко отвечал, хорошо подготовился, а вот по закону божьему таких ответов ты не дал». – «Да, батюшка, я чувствовал это и болею душой за то, что ваша отметка черным пятном ляжет на мой аттестат». Ушел он в класс, а вскоре прозвонил звонок, и мы вошли в класс, где нам объявили, что завтра с часу дня будут испытания по русскому языку письменно.

Явились мы аккуратно к назначенному времени. Преподаватель повел нас в класс и роздал нам также по два листа бумаги со штампом и печатью и сказал, что сейчас будет диктант, нужно сесть по одному за парты.

Тема диктанта «Кайшаурская долина» - Лермонтова. Диктовал он хорошо, прямо артистически, что нам было и нужно. Минут через 25-30 мы сдали работу преподавателю и вышли в коридор. Скоро нам объявили, что в 5 часов будет последний экзамен по русскому письменному.

И на этот раз мы пришли во время преподаватель тот же, дал нам тоже по два листа чистой бумаги со штампом и печатью и предложил нам следовать за ним. Открыл один класс, поманил меня пальцем и, пропуская меня в класс, сказал, что я должен написать переложение из сочинения Гоголя «Детство Чичикова», щелкнул ключом, он, слышно было, как разводил ребят по классам,

так же шелкая ключом. Оставшись в большом классе один, я как-то оробел. Сел за парту и стал вспоминать заданную тему, которую я хотя и читал, но давно. Составляю конспект в блокноте, чтобы не пачкать чистый лист.

Через короткое время послышался слабый стук в дверь, я подошел, тоже стукнул, «какая тема вам задана?», тихий какой-то юношеский голос послышался, Я ответил. Снова сел за парту и стал писать. Вдруг слышу около двери шелест бумаги и вижу, как под дверь в щель ползет сверток бумаги. Я насторожился, подошел к двери, взял печатные книжного формата листы бумаги и что же я увидел? Это листы из книги с рассказом о детстве Чичикова. Я недоумевал, кто же были эти таинственные доброжелатели. Сомнений не было, что это были гимназисты этой же гимназии, в которой мы экзаменовались. Я их и до сих пор не знаю.

Воспрянул я духом, сел за парту, прочитал статейку, спрятал в карман блокнот с начатым конспектом и стал писать переложение прямо на лист с печатью, имея в виду его черновым. Дело пошло быстро. Часа через полтора – два зашел преподаватель и, увидев, что я кончил, взял мою работу и сказал, что экзамены кончены и предложил придти на следующий день к 8 часам вечера за результатом экзаменов. На душе стало спокойнее. Кончилось дергание нервов.

Я стал полноправным учителем.

Ровно в 8 часов следующего дня мы были в комнате директора гимназии, где сидело четыре человека из числа наших экзаменаторов.

Председатель комиссии с листком бумаги в руках встал, и мы последовали его примеру, встали. Председатель комиссии торжественно стал объявлять результаты экзаменов, зачитывая отметки по предметно каждого экзаменуемого. Каково было мое удивление, когда я услышал, что по закону божьему у меня стоит четверка. Спичка что ли помогла, а если бы я ему одолжил пачку хороших папирос, у меня стояла бы пятерка, подумал я. Председатель комиссии пожелал нам плодотворных успехов на поприще народного просвещения на пользу царю и отечеству и

сказал, что наши аттестаты будут переданы директору народных школ Оренбургской губернии господину Синицину.

Однажды пошел я к директору народных училищ узнать, когда я могу получить аттестат и назначение на должность учителя. Директор сказал, что он аттестаты на руки не дает, они остаются у него в канцелярии. Желающие поступить учителем, подают мне заявления, а я даю назначение туда, где есть свободное место. «Что касается вас, то я ставлю в известность, что у вас есть черное пятнышко, вы замешаны в организации забастовки. Хлопочите перед губернатором о выдаче вам свидетельства о политической благонадежности, без которого я назначать вас учителем не могу». Лучше бы было, если бы он приказал уряднику резко ударить меня по голове.

Как бы облитый ушатом холодной грязной водой я вышел от директора, задавая, себе вопрос – где она та счастливая рубашка, в которой я родился, как говорил мне в детстве и даже юности мой отец. Не счастливая рубашка тут нужна, а что-то другое, а что именно, я по своей политической незрелости хорошо не знал, лишь смутно догадывался, что тут нужна другая правительственная не буржуазная, а народная власть. Однако делать нечего, надо пробивать путь не только грудью, но и лбом, стучать в дверь губернатора.

Больших трудов стоило, чтобы лично добраться до губернатора, однако при желании оказывается, что можно. Но не успел меня адъютант губернатора втолкнуть в дверь канцелярии, как губернатор, расправляя свою веером бороду, слащаво и с явным ехидством проговорил: «А, молодой человек, по какому делу ко мне пришел?». Я коротенько, но ясно изложил ему причину моего визита, «Да, директор народных училищ сделал тебе правильное замечание, что у тебя есть черное пятнышко, теперь и я вспомнил об этом пятнышке. Придется тебе подождать, но не теряй надежды, получишь свидетельство о политической благонадежности в непродолжительном времени, если ты будешь вести себя достойно в обществе, справляйся временами об этом в губернаторском присутствии, которое находится в этом же дворе», любезно дополнил он. Опять надежда выплыла, утешал я себя, будем ждать господин Курмышев, а сам шагаю, не зная куда.

Куда же больше, идти работать надо, потому что семья просит пищу и кроме пищи еще много кое- чего надо.

Ходил много раз в губернаторское присутствие и всякий раз получал один ответ – нет. Опять нудно тянулось время, а я работаю и думаю: Что же буду делать, если мне до зимы не дадут документа, единственного документа, которого мне не достает, чтобы работать, добывать средства к существованию зимой и летом.

В ноябре 1907 года я получил от директора народных училищ извещение, чтобы я явился за получением назначения на должность учителя. Директора не оказалось, когда я прибыл к нему, принял меня секретарь, который сказал, что директор уехал в Челябинск, можете увидеть его у инспектора народных училищ, Челябинского уезда, а вам оставил документы о назначении вас заведующим школой железнодорожной станции Мишкино, куда предложено явиться немедленно, а если не застанете его и инспектора, то следуйте прямо к месту назначения и сообщите нам о принятии школы и о том, что приступили к работе, одновременно об этом сообщите и инспектору Челябинского уезда.

На вопрос о выдаче проездных секретарь ответил, что таких средств у них нет и не положено.

Заложил я в ломбард карманные часы, занял немного денег у знакомых и тут же отправился на вокзал, сообщив письмом своей семье, что я уехал, подробности сообщу после.

По прибытии в Челябинск, я узнал, что директор и инспектор вместе выехали в гор. Троицк, а поэтому поехал на ст. Мишкино, где ознакомился со школой и двумя моими коллегами учительницами.

Специальное школьное двухэтажное, ветхое здание было мрачным, внизу сельское правление, вверху две классных комнаты и еще под школу арендовано 2 частных дома, в которых занимались учительницы, а на мою долю падали два класса 3-й и 4-й в старом ветхом здании.

Ознакомившись с пройденными программными материалами и условиями работы учительниц, я заметил, что школа резко отстает.

Главная причина в отставании учащихся заключалось в том, что ученики в школу осенью поступали не одновременно, дети железнодорожников, а их было большинство, приходили в школу с 1 сентября, а крестьянские дети – по мере освобождения их от крестьянских работ. Нужно было как-то выправить это положение.

Решено было ввести вечерние занятия с отстающими ребятами, для чего надо классы обеспечить светом, предупредить родителей учащихся, доказать им необходимость такого мероприятия.

Результаты получились прекрасные. Особенно горячо откликнулись на это железнодорожники, которые сами натащили в классы ламп, керосина, устроили вешалки и полки для ламп.

Дело пошло хорошо, отставание сглаживается, что радовало меня, только со стороны учительниц слышался ропот за вечерние часы занятий. «Новая метла, всегда чище метет», иронически поговаривали родители учащихся и учительницы. Не обращая на этот ропот внимания, я все настойчивее требовал от учительниц и от себя лично упорного труда. Частенько стали заходить в школу родители учащихся, чего, как говорят учительницы, раньше не было.

Перед зимними каникулами однажды я завел разговор об устройстве школьной елки, о которой дети и представления не имели, а коллеги мои даже пессимистически отнеслись к этому, доказывая, что средств нет и не собрать их. Я настаивал на том, чтобы организовать елку во чтобы это ни стало. При всяком удобном случае я стал вести беседы с родителями учащихся, среди которых были дети зажиточных родителей, торговцев, которых было не мало. Из всего этого становилось ясно, что елку сделать вполне можно, пусть это будет скромная елка.

Составили мы своим коллективом подписной лист и приступили к сбору денег через своих учеников, а где нужно было, сами лично ходили, убеждая внести свою лепту на радость детям. Результаты сверх ожидания получились хорошие. Собрано было 78 рублей. За украшениями и подарками для детей командировали меня. Дело пошло, как по маслу, что радовало меня, поднял я голову, стал ходить козырем. Привез я украшения, гостинцы из Челябинска. Родители школьников совместно с учительницами привезли красивую елку.

Передо мной встал новый вопрос – каким путем привлечь большее внимание к школе со стороны населения станции Мишкино.

Таким средством я избрал – организацию в школе вечерних чтений, бесед на разные темы. Выбор мой оказался удачным. На чтения приходили многие рабочие, крестьяне, иногда заглядывали

и торгаши, а их было в поселке много. Но к моему огорчению эта благодарная затея принесла мне неприятность.

Однажды на одном из вечерних чтений я повел беседу о школьном здании и в качестве аргумента в пользу необходимости постройки школы сказал, что на станции содержится более десятка полицейских, а что они делают?, убирают пьяных мужиков, а замерзших из них таскают в помещение, что под нашими классами. Дети видят все это, по-своему воспринимают эти безобразия. На экономии по сокращению стражников года через два три можно было бы построить хорошую школу. Таких чтений и бесед я провел 4-5.

Скоро собрали елку, арендовав частное помещение (в наших классах было тесно). Елка прошла весело, дети и родители были очень довольны. А меня снова постигло огорчение. Дня через два после елки меня вызвал к себе пристав и внушительно заявил: «Вы, господин учитель, очень скоро забываете свои делишки в Оренбурге и начинает рекомендовать свои соображения о государственной страже на станции. Предлагаю прекратить всякие чтения по вечерам. Знайте, свое дело, учите детей, а до взрослых не суйте свой нос». Дня через три, после елки в школу во время уроков явился поп Русанов А. Познакомились, я его еще ни разу не видел в школе. Спросил меня, какие уроки должны быть сейчас в классах. Шла перемена. Я объяснил. Совсем неожиданно для меня поп предложил мне пойти в один класс и дать урок по закону божьему, какие-то не помню чудеса, творимые Христом. Своим предложением поп так озадачил меня, что я вспыхнул и иронически заметил ему, что я чудесами не буду занимать, поведу свой урок согласно классному расписанию, а попу сказал, что он может идти заниматься в 4 класс. Шакалом посмотрел на меня поп и пошел в класс, а я в другой. После звонка он, не сказав ни слова, вышел из школы, крепко хлопнув дверью, и уехал в село Островное, где он жил.

В классе, где он вел урок, школьники сообщили мне, что батюшка на уроке много интересовался мной – не бьет ли детей, не курит ли в классе, не бывает ли на уроках в пьяном виде, молится ли он богу. Опять, какие-нибудь неприятности будут, подумал я.

Пристав и поп сделали свое дело. Вскоре инспектор народных училищ Челябинского уезда Введенский Н.И. вызвал меня к себе в Челябинск, где он сразу поставил меня в известность, что он очень

огорчен моими вечерними чтениями в школе и беседами с родителями на тему о необходимости постройки новой школы. Он же говорил, что бывший у него недавно попечитель школы похвально отзывался обо мне, но все же лучше будет, если он переведет меня из Мишкино в другую школу и тут же сказал, что есть вакантное место в деревне Гладышево, которую, как он выразился, черт нес на аэроплане и уронил около озера, среди соснового бора, школа однокомплектная, школьников в ней бывает не более тридцати. На следующий год обещал перевести в лучшую школу, если я не буду замечен в политической неблагонадежности, в противном случае меня могут загнать туда, где Макар телят не гонял. Это внушительное предупреждение подействовало на меня сильно, и я дал согласие на перевод меня в деревню Гладышево.

Школа помещалась в одной комнате частной квартиры, во второй половине жили хозяева дома. Село расположено в одну улицу по окружности большого озера. Население небольшое, старожилы, грустно было там. Невежество, темнота всюду преследовала меня. Не только газет, книги но и элементарно развитого человека не найдешь ни в одном доме.

Урок закона божьего и здесь я на себя не брал, а поп не был в школе до марта месяца, когда он прибыл в поселок с какой то постной молитвой и случайно заглянул в школу, уроки он не стал давать, а позвал меня в комнату хозяина дома. Законоучитель был навеселе, что я заметил по его глазам и тону разговора, он вспомнил меня по Шишкинской школе, извинился, что не знает моего имени, отчества и фамилии, - «Я Дмитрий Дмитриевич Курмышев», отрекомендовался я. «Значит, Дмитрий в квадрате», сострил он, наша первая встреча в Шишкинской школе была какой-то сухой и мы с вами не сумели поговорить хорошенько о наших общих делах, а говорить было о чем, а именно о преподавании закона божьего. В моем приходе 8 школ и во всех них учителя ведут уроки закона божьего по совести, а я, со своей стороны, при посещении школы, хотя и в редких случаях, проверяю успехи учеников, помогаю советом учителям как вести преподавание закона божьего, попутно конечно, знакомлюсь вообще с постановкой учебного дела в школе, что входит в наши обязанности. Я жалею, что вы не хотите вести уроки закона божьего. Я пойду, наконец, навстречу вам. Занятия в школе в среднем продолжаются 7 месяцев, да и того меньше. Так вот и

получайте от меня за эти 7 месяцев полностью 21 рубль. К вашему скромному жалованью это будет подспорьем. Подумайте по этому вопросу и дайте мне ваше согласие. Этим разговором, вернее увещеванием, он взвинтил мои нервы и я, потеряв долг приличия вежливости, напрямик высказал свое мнение по затронутому вопросу.

«Батюшка, тема нашей беседы потребует времени, а ученики, слышите? от безделья шалят, позвольте, на минуту оставить вас, я пойду отпущу учеников по домам и тогда, мы с вами потолкуем поподробнее».

Законоучитель, видимо, предвкушая успех своего предложения и, согласился подождать меня. После задания ученикам материалов для домашних работ я возвратился к законоучителю, беседующему с хозяйкой дома школы единойверкой. «Ну, вот теперь, батюшка, продолжим наш разговор, мысленно я его проанализировал немного и пришел к такому выводу. Прошу терпеливо выслушать меня. Я являюсь заведывающим этой небольшой школы и на мне вся ответственность за успех прохождения программных материалов для начальной школы, в том числе и за закон божий. Но я должен оговориться, что за закон божий то по существу вы ведь несете ответственность, т.к. вы получаете за это вознаграждение, а поэтому вы и должны вести его.

«Да, я согласен, сказал законоучитель, но вы представляете, что у меня в приходе 8 школ и если я буду заниматься в каждой из них по 2 часа в неделю в соответствии с вашими расписаниями плюс трата времени на разъезды, то мне не останется времени на выполнение моих церковных служб, особенно в дни великих постов и случайных треб. соборований больных, крещение, похороны, свадьбы и т. п.». Я, батюшка, учитываю вашу загруженность по делам вашего сана, но я недоумеваю, почему вы не откажитесь, хотя бы, от части нагрузок, от получения вознаграждения за преподавание закона божьего, хотя бы в пользу приобретения небольших библиотечек в каждой школе, а то ведь учителя в этой глуши сами тупеют, погружаясь в темноту окружающей среды. Вот вы предлагаете мне за преподавание закона божьего за весь учебный год 21 рубль, а вы за что будете получать 15 рублей, а от 8 школ 120 рублей?». Вы много просите с

меня, сказал поп, я, на это не согласен, филантропией я не желаю заниматься.

Если это необходимо, то вы агитируйте крестьян – обзавестись библиотекой, а учителя пусть сами себя обеспечивают нужной литературой, а на нас законоучителей не рассчитывают». «Это дело ваше батюшка, насиловать вас никто не будет. А вот о преподавании в школе закона божьего вы теперь подумайте. Предупреждаю вас, что если мои выпускники учащиеся получат плохую оценку по закону божьему и не получат по этому случаю свидетельства об окончании курса начальной школы, что даст мальчикам сокращенный срок военной службы, ответственность ляжет на вас».

Быстро поп встал, надел шапку и на ходу буркнул: «не страшно» и вышел из избы.

Мое предупреждение о том, что он будет нести ответственность за неуспеваемость учеников по закону божьему, подействовало положительно. Он стал аккуратно в неделю один день на один час посещать школу до конца учебного года, т.е. до распутицы, когда большинство школьников оставляли школу по требованию родителей.

Во время летних каникул я раза два побывал на сходках жителей села Гладышево и всякий раз заводил разговор о постройке специального дома под школу, обещая выхлопотать на постройку дома бесплатно лес. На одном из сходов крестьяне вынесли решение к осени построить школу и ассигновали средства на это дело. Не школу, в буквальном смысле этого слова, а простой дом в одну комнату площадью в 100 кв. аршин с тесовыми сенями. Лес был лесничеством отпущен по просьбе инспектора народных училищ, у которого я лично был два раза по делу бесплатного отпуска леса.

Дом получился хороший, светлый и чистый, но без покраски пола и окон, поставлен он на середине поселка, чему очень довольны были крестьяне.

В первых числах сентября расставил я имеющиеся в наличии старенькие довольно ветхие пятиместные, примитивные парты и объявил о начале занятий в школе.

Как только стало известно о начале занятий в школе, ко мне пришло несколько крестьян и предложили, как они сказали по обычаю, освятить школу, для чего пригласить попу. Я не стал

разубеждать их в этом, зная, что это ни к чему не приведет, кроме как лишь к умалению моего авторитета, как учителя.

На следующий же день привезли на хорошем коне, убранном хорошей сбруей с красными тесьменными с махрами вожжами.

Отчитал поп положенные на этот случай молитвы, окропил «святой» водой стены дома и всех присутствующих. После молебна церковный староста, житель этого же поселка пригласил попа к себе освятить купленную им где-то икону, пригласил и меня. Среди волков по-волчьи вой, подумал я и поехал вместе с попом к старосте, в доме которого было уже много людей.

После моления люди освободили комнаты старосты, а нас поросили откусать по крестьянскому обычаю хлеба – соли. За столом кроме хлеба – соли появился и солидный графин с водкой. Подвыпили немного, закусили, чем бог послал, а к таким людям бог всегда великодушен, бывал, на столе всяких явств было столько, что можно было накормить полпоселка.

В перерыве поп подошел ко мне и снова слащаво завел разговор о законе божьем, я повторил ему мои условия на этот счет. Поп неприязненно посмотрел на меня и, зайдя сзади, вылил на мою голову остатки вина из рюмки. Лопнуло мое терпение, я прямо через плечо плеснул ему в лицо холодным чаем. Староста, сообразив, что дело принимает плохой оборот, приказал работнику срочно запрягать лошадь, чтобы отвести попа домой. Обостриться делу между нами не суждено было, староста сел подле попа и что-то заговорил с ним, а я вышел из-за стола и стал одеваться. Рядом с моей шапкой лежала поповская шапка, высыпав в нее полкоробки спичек, я вышел во двор и стал помогать работнику запрягать лошадь. Еще передвигая ноги, вышел во двор и поп, поддерживаемый под руки старостой.

Уселись мы с попом в тарантас, а староста на козлы и поехали вдоль улицы. День был теплый, ясный, у дворов стояли крестьяне и видели как поп, перегнувшись через край тарантаса, изрыгал пророками, обливая свою большую бороду остатками пищи и уронил свою шапку. Люди заметили это и стали кричать старосте, чтобы он остановил лошадь. Поднял староста шапку, стал ее надевать на голову, а она вся усыпана спичками. Стряхнув спички с кудлатой головы и надев шапку, поехали дальше. Не доезжая немного до моей квартиры, поп опять стал изрыгать все то, что он

пил и ел у старосты, а я поспешил спрыгнуть с тарантаса и пойти домой. Так вот и «освятили» мы и школу и икону.

На следующий день я пошел в новую школу, а по пути меня мучили совесть, хоть и не был я пьяным вчера, но состояние попа могло приписаться и мне.

Дня через два-три во время урока в школу пришел поп. Я любезно уступил было ему урок, но он раздраженно во весь класс заговорил «Я заниматься сегодня не буду, а прибыл за тем, что бы заявить вам, что я буду о ваших проделках писать инспектору и о том, что вы наэлектризовали и соседних учителей, которые по вашему примеру не стали вести уроков по закону божьему.

«Батюшка, посмотрите, ученики смотрят на нас и слушают наши пререкания, не лучше ли будет, если мы отложим наши объяснения до конца урока, когда школьники покинут класс и оставят нас вдвоем. Все равно мы сейчас ни о чем не договоримся. Что же касается вашего донесения инспектору, то я ставлю вас в известность, что я не учительница церковно-приходской школы и могу тоже писать не только инспектору, но и директору Оренбургской губернии и писать найду о чем». –Посмотрим, чья возьмет», сказал отрывисто поп, надел шапку и вышел, резко хлопнув дверью.

Не знаю, писал или не писал поп о наших с ним отношениях, однако он регулярно раз в неделю приезжал в школу и давал вместе всем 3-м классам часовой урок. Жители поселка удивленно говорили: «Семь лет существует у нас школа, и батюшка ни разу в ней не был, а вот теперь стал бывать каждую неделю. Весной на экзаменах инспектор попросил подробно объяснить о наших отношениях с попом, (очевидно, он ему все же писал).

После объяснения сути дела инспектор сказал: «Вас со священником помирить нельзя будет. Вы правы, что требовали от него ведения урока закона божьего, а он не прав, обязывая вас преподавать его предмет, Я вам обещал как-то перевести вас в другую школу. Зайдите ко мне на квартиру

вечером после экзаменов».

Вечером инспектор, напомнив мне об отношениях с попом, написал приказ о назначении меня вторым учителем в село Большое Субботино. Село оправдывает свое название, действительно большое, расположено в одну улицу по берегу реки Миасс, а по другую сторону сосновый бор. Но школьное здание

выглядело мрачно, ветхое с оторванными ставнями и покосившимся крыльцом. Двора нет, стоит сиротливо школа на пустыре.

На следующий год заведующая школой Дементьева Е.Т. вышла замуж в другое село Лешаново, меня назначили заведующим, а мужа ее Гордеева П.Н. вторым учителем. Жить стало свободнее, успехи в школе стали хорошие, с попом подружились, т.к, он сам был только «ремесленником» своего дела, по сути дела атеистом. У его тестя была даже политическая литература 1905-1907 годов.

Зимой прибыл в школу инспектор с ревизией. Оказалось все в порядке. Я обратил его внимание на убожество школьного здания и стал просить его помощи в постройке новой школы. «Куда бы ты не поступил, все хочешь новую школу, сказал он». Однако пообещал походатайствовать перед министерством, а мне предложил составить проект здания школы. Не было бы счастья, но помогло несчастье.

1911 год оказался голодным годом многих губерний России. Крестьяне бедствовали, многие бросили свои насиженные места и уезжали в глубь Сибири, школьники бросали школу. Правительство вынуждено было оказывать помощь голодающим. Открыли кредитные товарищества, откуда крестьяне брали ссуды, за высокие проценты. Был организован в Москве комитет трудовой помощи, который организовал в селах платные работы по устройству мостов, плотин, водоемов, школ.

Приступили к постройке школы и в нашем селе. Работа шла форсированным способом.

Рабочие шли гужем, крестьяне всем селом возили лес и другие материалы.

За один 1911 год двухэтажная деревянная школа и ограждение штакетником усадьбы в один гектар были готовы и осенью в ноябре 1911 года мы уже начали заниматься в новой школе. Как радостно было на душе!

Здание просторное, светлое, теплое. Учеников с 50 человек стало 80. Из гор. Вятки (ныне – Киров) мы получили 50 хороших двух местных парт, классные доски, геометрические пособия, теллурий, пробирки, колбы, лампочки, географические карты и даже шторы на окна, стенные с боем часы. Школа стала образцовой.

Поле деятельности стало широким. Стали разводить сад, моя коллега Усова М.И. организовала кружок рукоделья.

В одном классе устроили сцену, стали ставить детские спектакли, устраивать чтения для взрослых, елки. Школьные экзамены из волостного села Иванково перенесли в нашу школу. Мой авторитет значительно повысился, я получил серебряную медаль "За усердие". В 1917 году я был избран в члены малого Совета народного образования при Земской управе, которая при отступлении колчаковской банды эвакуировались с ней вместе, забрав с собой и документы учителей.

Советы народного образования были упразднены, взамен их организован Губернский отдел народного образования с его подотделами – школьный, дошкольный, внешкольный, политпросвет.

Институт инспекторов народных училищ в губернии был ликвидирован. Стали организовывать районные отделы народного образования. В один из таких районов Куртамышский в 1919 году я был назначен заведующим таким отделом. Жаль было оставлять школу в Большое Субботино, но время требовало подчинения Советской власти. Договорились с Зав. ГубОНО тов. Гуровым оставить семью мою, до весны в моей школе, я без семьи прибыл в Куртамыш. Это было большое торговое село. Там жили хлебные маклеры, мясники, торгаши скотом, имелись в селе кустарные кожевенные и овчинные заводы.

Много было построек городского типа, большие складские помещения, клуб, аптека, здания Высшего начального, двухклассного и одноклассных училищ.

Кто был ничем, стал всем

Начало организации районного отдела народного образования было положено, до моего прибытия в Куртамыш. Штат его состоял: заведующая молодая учительница – комсомолка, секретарь учитель Высшего начального училища, уборщица. Помещался отдел в двух комнатах, второго этажа купеческого дома Реутова.

Предъявив в ревком свои документы, я просил в первую очередь оказать мне необходимую помощь в организации отдела народного образования и налаживании дела народного образования в районе вообще.

Обещание в помощи предревкома тов. Капустин любезно дал и пожелал мне успеха. Однако мое самочувствие было неважное, потому что я считал себя топорным учителем с незаконченным средним образованием, Робел предстоящего контроля учителей с высшим образованием, какие имелись в Куртамыше, к тому же в то время я был беспартийным, вследствие чего чувствовал себя одиноким, тем более, что из учителей в районе не было ни одного члена партии. Нюнить тут было некогда, нужно было, как говорят, засучив рукава, немедленно браться за дело.

В первую очередь я решил познакомиться с учителями Куртамышских школ, для чего созвал в отделе совещание учителей, пригласив секретаря райкома ВКП (б) тов. Внукова В.

Я сделал небольшой доклад о необходимости перестройки программы преподавания в школах в соответствии с указаниями наркомпроса, и отрешиться от рутины преподавания, тесно увязаться с крестьянством, в частности с родителями учащихся. Робко на этот раз выступило несколько учителей, большинство из которых жаловались на отсутствие новых программ, учебников и учебных пособий и принадлежностей, на невнимательное отношение местных советских органов к нуждам школ, коснулись, конечно, и своих материальных нужд.

Решено было на первое время в Куртамыше организовать методическое бюро, которому поручить разработку временной программы, схематические методические указания для учителей, как будто говорящих: Вот он, тот, кто был ничем, а стал всем, хочешь - не хочешь, а подчиняйся ему.

На следующий день я решил приступить к организации районного отдела народного образования соответственно указанию губернского отдела народного образования. Приняв дела от моей предшественницы, которые состояли из нескольких распоряжений ГубОНО и местной власти, напечатанные и письменные на чайной обертке, журнал входящих и исходящих бумаг. Денежных документов не было, т.к. зарплату получали учителя через волостные и сельские Советы.

В состав районного подчинения входило немного волостных сел и деревень – Куртамыш, Нижнее, Обанино, Озерная, Каменская, станица Звериноголовская, Верхнее Долгое, Галкино, Тавложанка, Хмелевка и другие. Штат РайОНО состоял:

1. Зав. РайОНО – КУРМЫШЕВ.

2. Инспектор не было.
3. Зав. Библиотеками – ВАРГАНОВ.
4. Секретарь он же счетовод тов. СЫРНЕВ П.И.

Кардинальным вопросом был, кого из учителей назначить инспектором народного образования и зав. райбиблиотекой.

Выбор мой остановился на учителе Сырневе П.И. с высшим образованием, хотя и духовной академии и по происхождению попович.

За короткий промежуток времени я его довольно основательно изучил, и впредь буду изучать его. Назначил Сырневу инструктором РайОНО, Зав. райбиблиотекой – Варганова. Сырневу вменено в обязанности, временно, совмещать должность секретаря и счетного работника РайОНО.

Общее положение в районе

После изгнания Колчаковских банд было еще не совсем спокойно, кое-где появлялись бандитские группы, делающие наскоки на населенные пункты и на ответственных советских работников.

Особенно проявила себя в этом деле банда Землина Ивана, которая скоро была ликвидирована, наказаны были и те, кто оказывал помощь этой банде.

Коммунисты долгое время жили на казарменном положении, так же несли дежурство и комсомольцы.

Учительский состав в смысле политического кредо был не на высоте своего положения. Большинство из них являлись по происхождению из семей духовных лиц, особенно учительницы, не мало и учителей, а один из преподавателей – Ефимов с высшим образованием был махровый социал-революционер, работавший в лесничестве. В связи с этим выявлялась необходимость тщательно изучать персонально каждого учителя в смысле его политической благонадежности. Нужно было заняться коренным образом перевоспитанием учителей в духе социального переустройства школы и нового метода преподавания программных предметов. Дело осложнялось не только этим, но и тем, что школы и библиотеки колчаковцами были разорены, растасканы, сожжены местными кулаками, бандами. Учебников нет, бумаги, карандашей и тетрадей тоже, писали на газетах чернилами из красной свеклы,

которые через два-три дня выцветали, а бумага вторично шла на письмо. Здания школ часто не отапливались, количество учащихся сокращалось. Требовались срочные меры по нормализации школьных занятий.

В программу Советской школы стали вводиться трудовые процессы. Это нововведение в школах встречалось враждебными элементами и малосознательным населением вообще не совсем приязненно, аргументируя свое недовольство тем, что родители посылают детей в школу не работать, а учиться, работы им и дома много найдется.

Несмотря на отрицательное отношение со стороны несознательных родителей, учащимся трудовые процессы в школах постепенно стали прививаться. Школьники наводили порядок в классе, носили дрова на топку печей, воду для питья, мыли полы, окна в классах. За неимением средств, мастерских при школах организовать не представлялось возможным, кроме как в самом Куртамыше для воспитанников детских домов. Открыто две учебно-показательных мастерских – сапожная и столярная. Мастерские эти были хорошо оборудованы, обеспечены инструментами и преподавателями специалистами высокой квалификации. В мастерских обучалось до 70 ребят.

Это нововведение в школах попы использовали для своей гнусной пропаганды среди населения, что большевики изгнали из школы закон божий, наобещали вам много по образованию, а на деле опять же готовят в школе чернорабочие мозолистые руки. За такую и другую противосоветскую агитацию заслуженно попы понесли кару. Многие из них были выселены из сел.

Весной 1920 года была созвана учительская районная конференция, на которой стояли вопросы о новой советской школе и в частности о трудовых процессах с учащимися. Руководство РайОНО предложило в каждой школе организовать школьный опытный участок, на котором сажать сады, огороды, бахчевые культуры и картофель, что в такой тяжелый год даст возможность из продуктов от урожая пришкольных участков организовать завтраки для школьников. Земли для огородов правительство даст.

Некоторым учителям это предложение не особенно понравилось. Так, например, учитель средней школы Ефимов, о котором говорилось выше, на конференции заявил: «РайОНО хочет и нас превратить в батраков, вместо положенного отдыха в

каникулы нам предлагают обрабатывать для школьников огороды и разводить сады». Пришлось Ефимову и другим одинаковомыслящим с ним учителям дать соответствующую отповедь на их консерватизм и поход против мероприятий советской школы.

В качестве поощрения учителям, организующим школьные сады и огороды, я обещал исходатайствовать наделы под их личные огороды. Было принято соответствующее решение по организации школьных садов и огородов.

В половине июня 1920 года я был делегирован Челябинским ГубОНО на 11 Всероссийский съезд по народному образованию в Москве. Всего от Челябинской губернии было делегировано 11 человек. Но не суждено было состояться этому съезду, – началась война с Польшей.

В Москве комиссар просвещения т. Лунучарский на совещании в большом зале консерватории передал нам делегатам, прибывшим со всех концов РСФСР, привет от Владимира Ильича Ленина и сожаление, что В.И. Ленин, в связи с перегруженностью в работе не может лично повстречаться с работниками просвещения. Тов. Луначарский сделал доклад о роли советской школы, о новой ее программе, об обязанностях народного учителя. Предложил делегатам, в частности тем, которые никогда не были в Москве остаться здесь дней на 5-7, познакомиться со столицей, учебными заведениями, образцовыми детскими домами, побывать в театрах, куда будут даны билеты. Шаляпин организовал для нас бесплатно оперу «Севильский цирюльник».

Школы постепенно стали приходить в нормальное состояние, вакантные места учителей стали заполняться новыми, частью демобилизованными из Армии, частью из учебных заведений. В период реорганизации РайОНО в уездный отдел народного образования (УОНО) прибавились новые заботы. Территория района расширилась еще несколькими волостями.

Высшее начальное училище реорганизовано в школу 2-й ступени, а гимназия в педтехникум. Чувствовался большой недостаток педагогов с высшим педагогическим образованием.

Несколько человек прислал ГубОНО, подобрали несколько учителей в Куртамыше и из других городов через моих знакомых. Новые учителя пока были политически не проверены, а положение этого требовало.

Организация аппарата УОНО требовала не малых усилий и хлопот. Штаты УОНО были большие. Вот они:

1. Общий отдел – зав. Отделом – Курмышев.

Его заместитель – Павлов.

Управделами – Назаров.

Бухгалтер – Рычков.

2 счетных работника, зав.хоз.частью,

он же кладовщик – Бардин.

уборщица

конюх

охранник.

2. Под отделы соц. воспитания

Зав. соц. воспит: Сырнев П.И.

Секретарь Кувалдин

Школьный заведующий – Эгле.

Дошкольный зав.- Лончинский О.О.

Внешкольный зав. – Яковлев М.В.

3. Политпросвет зав. инструктор – Соустин

письмоводитель – Бурнашов В.

Я крайне был озабочен укомплектованием штата УОНО. Стал советоваться с УКОМом партии и председателем Уисполкома депутатов трудящихся тов. Моисеевым, депутатом горсовета был и я.

На совещании было решено выдвинуть на ответственные должности УОНО следующих товарищей:

1. Зам. зав УОНО тов. Павлов С.И. (коммунист)

2. Зав. соцвозом тов. Сырнев П.И. (беспартийный)

3. Зав. школьным подотделом тов. Эгле (коммунист)

4. Зав. дошкольным подотделом тов. Лончинский О.О. (коммунист)

5. Зав. внешкольным подотделом тов. Яковлев М.В. (беспартийный)

6. Зав. политпросветом тов. Соустин (коммунист).

Подбор технического персонала поручено было мне самому.

Директором школы 2-й ступени назначен Пономарев И.М.

Директором педтехникума Репников М.И. (сомнительная личность)

Дипломированных педагогов для этих учебных заведений не доставало. Имеющиеся педагоги вынуждены были перегружаться уроками.

Такое положение было не только у нас в Куртамыше, так было по всей Советской республике. Правительство вынесло решение демобилизовать из армии всех учителей, имеющих трехлетний учительский стаж. Один из таких демобилизованных учителей мной был принят учитель Туленков М.В. сын местного медфельдшера, ранее до войны проучившегося один год в мединституте. Но в это дело вмешался существовавший тогда орган «труддез», который узнав, что Туленков учился на медика, привлек меня и его к ответственности за то, что я принял Туленкова на должность учителя по русскому языку, а Туленков дезертировал, тогда как он должен работать медиком при местной больнице. Когда нарсуд вручил мне повестку явиться в суд по этому делу, я попросил зав. больницей врача Талызина Я.С. дать мне справку – кем при больнице может работать Туленков, он ответил, что Туленков был только на первом курсе мединститута, прошел только общее первоначальное знакомство с медициной и при больнице он может работать только санитаром, эту справку я предъявил суду, который не стал разбирать это дело и заявил, что Туленков законно принят на должность учителя. Суда не состоялось.

Работа в школах вообще стала налаживаться. Но тут наступала новая неприятность. 1921 год оказался сильно неурожайным. Запасов хлеба у крестьян, какие были после колчаковщины, изъяты продразверсткой. Наступил голод. К довершению к этому стал свирепствовать тиф. Смертность от голода и тифа дошла до чрезвычайных размеров. Детей ночью в плетеных коробах, в которых вывозили навоз, привозили в отдел УОНО и оставляли их в помещении, а нередко и в коридоре без сдачи их кому-либо.

Открытых в Куртамыше трех детских домов, из них один дошкольный, стало недостаточно. Открыли еще несколько детдомов на периферии уезда, в том числе два дома в ст. Звериноголовской один русский, другой татарский. Продовольственных пайков доставало. Сокращать норму питания нельзя было. Большую помощь стала оказывать американская организация «Ара», но эта помощь оказывалась

только за драгоценные металлы – золото, серебро и драгоценные камни. Правительство обратилось с просьбой к духовенству о пожертвовании церковных драгоценностей, но попы не пошли навстречу правительству, пришлось принять к ним репрессивные меры.

По этому делу однажды был командирован и я в станицу Звериноголовскую, где было два попа. Когда я вызвал их в волостное или как его называли станичное правление, попы заявили, что церковь драгоценных вещей почти не имеет, есть только малоценные вещи, которые нужны для церкви. Но мне уже было известно от псаломщика и некоторых крестьян, что в церкви имеются массивные серебряные позолоченные чаши, ложечки, блюдечки, евангелии с драгоценными украшениями, разные дорогие шелковые платки, покрывала, ковры и еще кое-что.

«Не верю я вам, отцы духовные, вот я дам вам неполный перечень тех вещей, которые имеют ценность». Я назвал несколько предметов и в заключении сказал: «Грешно вам отцы духовные скрывать правду от правительства, ведь вы сами проповедуете, нет власти как не от бога, дети мрут от голода, а вы не хотите оказать им помощь. Даю вам час на размышление, после чего вы должны собрать все ценные церковные вещи, в том числе и ценные денежные монеты и сдать все государству. В помощь вам даем представителя от исполкома и одного милиционера, с ними вместе придите и вы для составления акта на представленные вами вещи. Предупреждаю вас, что если что-либо скроете, я закрою церковь, а вас обоих и вместе с вами старосту церковного отправлю в Куртамыш для расчетов с вами. Я буду ждать вас здесь. Через час явились попы, староста, предисполкома, понятые, милиционер и ряд других лиц и принесли все, что нашлось ценного в церковных хранилищах. Составили акт, и тот же день все отправили в сопровождении двух милиционеров в Куртамыш.

Так было сделано и другими уполномоченными по всем церквям уезда.

Голодная смерть все дальше и дальше протягивала свои костлявые руки в детские дома. Часто сердобольные няни детдомов, не смотря на предупреждения давали вновь поступающим изможденным голодом детям сразу вдоволь хлеба, что вызывало у детей отравление желудка, понос и даже смерть.

Ежедневно по детским домам Куртамыша выезжала подвода для сбора умерших детей на кладбища, где могильщик почти ежедневно готовил могилу, в которую спускали по 5-6 трупов сразу. Открытой могилу оставлять нельзя было. Могильщику помимо денежной оплаты давали два продовольственных пайка того времени. Стали и учителя заболевать, Брат Сырнева Николай умер от тифа, да и сам замсоцвосом болел тифом, умер старый опытный учитель зав. двухклассным училищем Павлов, муж учительницы Кушев и ряд других школьных работников умерли от тифа.

Основные продовольственные резервы на нашем складе были на исходе. Наряды на них из губпродкома не поступали. Стали мы советоваться с пред.уисполкома как выйти из этого тяжелого положения.

Был вызван в уисполком завупродкома тов. Каменский Н.И..

Долго он не решался отпустить нам в счет будущих нарядов продуктов хотя бы на месяц. Уговорили, отпустил под мое обязательство из первого же полученного от Губпродкома наряда на покрытие задолженности.

Положение улучшилось, Настроение руководства УОНО как будто повысилось, но в школах положение было не важное, классы учителями и учащимися поредели, допускались лица с незаконченным средним образованием и законченным образованием в бывшей гимназии Куртамыша. Одну из таких молодых учительниц могу указать на Гуськову А.Г. , Бывшая моя ученица. Она сначала работала воспитательницей дошкольного детдома, потом учительницей в одной из школ уезда, впоследствии она была выдвинута, как примерная работница, на должность инспектора народных училищ и тут она оказалась достойной работницей Советской школы, за что, как мне известно, удостоена орденами и медалями Советского правительства. В данное время она пенсионер. Хороший преподаватель пед. техникума был тов. Рукавишников и его супруга.

Весна 1922 года подавала перспективы на хороший урожай.

Стали находиться родители детей детских домов и забирать их к себе.

Помню один случай. Была в дошкольном детском доме, в котором работала воспитательницей Гуськова А.Г., девочка цыганочка, веселая, жизнерадостная, мои дочери полюбили ее за ее

веселые качества и, она больше находилась у нас, чем в детдоме. Но вот к нашему дому подъехала цыганская бричка, из которой вышла пожилая цыганка, вошла в дом и, увидев цыганочку бросилась к ней и со слезами стала обнимать и целовать ее. Мы тут же догадались, что это мать Розы, так звали девочку. Уговаривал я мать оставить Розу в детдоме, но она настаивала на том, чтобы сейчас же Розу отдали ей. Дали Розе из детдома белья смену, обувь. Тронулась подвода, Роза долго махала нам платком и скрылась в другую улицу.

После уборки высокого урожая 1922 года контингент детских домов сократился на 60-70 процентов. И школы и детские дома стали работать нормально. Чувствовалась интенсивность в работе учителей средних и начальных школ. Перспектива на светлое будущее воодушевляла всех. Стал работать клуб, организовались кружки самодеятельности, лекторские группы. Уком партии задумал организовать диспут по религиозным вопросам, на который были приглашены церковнослужители всего уезда. Съехалось десятка полтора попов, много верующих Куртамышя и с периферии уезда, клуб не мог вместить всех, многие толпились около клуба.

На диспуте по антирелигиозным вопросам выступали коммунисты, беспартийные, не оставались молчаливыми конечно и попы, из кожи вылезавшие в защиту религиозного дурмана.

С нашей стороны было ценное выступление зав. внешкольным подотделом УОНО тов. Яковлева М.Р. бывшего студента духовной академии. Он лучше всех знал Библию, Евангелие и материалы по богословию. Он с увлекательным сарказмом цитировал, явно противоречивые, места из Библии и других источников, что вызывало со стороны слушателей поддержку и громкие аплодисменты, а со стороны церковных служителей и фанатиков верующих крайнее возмущение, которые явно чувствовали себя побежденными. С резкой, местами не тактичной речью выступил священник по фамилии Сагайдак. В первый день диспут не был закончен. Решено продолжить его на следующий день, чтобы дать возможность выступить заявившим желание священнослужителям, атеистам и другим лицам.

Попа Сагайдака я знал раньше, знал кратко и его биографию. Это бывший учитель начальной школы Украины, затем миссионер, проще говоря, вербовщик инаковерующих в православную веру, а

впоследствии он заработал сан священника и оказался в Куртамышском уезде. Выходя из клуба, я пригласил его к себе на стакан чая, на что он любезно согласился.

Когда мы шли рядом на квартиру ко мне весело беседовали, сзади нас не двусмысленно слышно было как по нашему адресу говорили. Вот смотрите на них, на трибуне они награждали друг друга всякими пасквилями, а сейчас беседуют как заядлые друзья, где же нам грешным узнать от них правду.

За чаем мы под свежим впечатлением пережитого в клубе, продолжали беседу на затронутую тему в клубе. Пользуясь хозяйским правом, я попросил его разрешения высказываться откровенно, не скрывая того, что у меня имеется, как говорят, на душе. Получив разрешения от своего собеседника, я спросил его: «Если вы поистине священник пастырь, требующий от своих пассымых на исповеди чистосердечно каяться в грехах, то, не скрывая правды, а если скроете, вас бог накажет, скажите мне: вы сами истинно верующий или являетесь просто ремесленником, добывающим этим ремеслом средства к существованию? И не находите ли вы полезным найти другой путь добычи средств к существованию, более полезный обществу, в котором вы живете? Вздохнув, он и сказал: «Это мое кредо», «Ваше духовное кредо это сплошной обман, Вы скрываете от народа правду. Вот наше кредо политическое не такое. Мы, коммунисты, несем в народ только правду и, уверяю вас, что через немного лет наша вера в светлое будущее коммунизма победит вашу веру и вам некого будет обманывать нелепостями закона божьего и придется вам заняться честным трудом. Вы незаурядный агитатор, поверните вашу способность в другую сторону и покажите пример другим попам, каяться не будете, станете трудиться на пользу социалистического, а затем коммунистического общества. Это будет несравненно полезнее, чем занятие одурачиванием несознательных людей". Выслушивая меня, Сагайдак терпеливо молчал. Прощаясь со мной, он сказал: Ну, завтра еще поговорим на эту тему».

На следующий день попов прибыло на 50 процентов вчерашнего числа, а верующих было все же много и выступающих было опять много. Вопрос сложный. Религия внедрялась тысячами лет, а поэтому рассчитывать на наш полный успех мы и не могли, но посеянные нами семена стали давать ростки. Попам доходы резко снизились, некоторые из них занялись физическим трудом.

Например, один поп в Куртамыше заделался часовым мастером, другой в районе ремонтом кадучек и бочек, а псаломщик Зимин стал учителем пения в средней школе и руководителем хора при народе. Попа Сагайдака, о котором говорилось выше, я в 1924 году встретил в Челябинске. Он быстро подошел ко мне и сказал, что мы коммунисты окончательно убедили его в религиозном заблуждении, и он отрекся от священства и теперь стал коммунистом и показал мне даже партбилет. Я поздравил его и пожелал ему стать идейным коммунистом и незаурядным агитатором атеистов.

В октябре 1922 года уездный отдел народного образования как таковой был реорганизован. Для руководства делом народного образования в уезде был установлен штат инспектора народного образования. Первым инспектором был Сырнев П.И., уполномоченным педагогического центра – Яковлев М.Р., заведующим учебно-показательными мастерскими был я.

В 1924 году я был переведен в гор. Курган, где заведывая учебно-показательными мастерскими, а затем управляющим детской трудовой колонии, в котором было до 80 воспитанников старшего возраста. Эта колония была в Илексиковском совхозе бывшем помещичьем имении. Имение это в начале революции было крайне разорено. Было 2-3 лошади, 3-4 коровы, несколько кур и кроликов, 5-6 домов и ветхая водяная мельница. При колонии были учебно-производственные мастерские, изделия которых сбывались в детские дома. Мельница была переоборудована в мельницу, перерабатывающую зерно в муку сеянку и в движение приводилась электричеством. Поднимался вопрос о переводе детколони на хоз. расчет с небольшой дотацией от государства. Но я этого желанного дня не дождался. По причине моей престарелой матери я переехал в гор. Оренбург, где до 1928 года работал завучем в детских домах, а затем завхозом в Оренбургском ГубОНО.

В мае 1928 года по совету врачей я оставил работу в органах народного образования, Страдал в тяжелой форме неврастением. До 1956 года в возрасте 75 лет работал по строительству. С 1937 года получал пенсию за выслугу лет в должности учителя, а в 1956 году перешел на пенсию по старости.

Заканчивая эту повесть, я хочу сказать, что действующие в ней лица не вымышленные, а фактические и многие из них живы и

стали тоже пенсионерами. Благодарю нашу дорогую Партию и Правительство за их заботу о нашем благополучии.

1961 год ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ
20 февраля 1961 года с. Краснохолм, ул.Озерная, дом 14

КУРМЫШЕВ Д.Д.

Перепечатал с подлинника его племянник Ильин Н.Ф.
17 марта 2004 года.